

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 304.3:687

**И. В. ВИНИЧЕНКО
А. Н. ГМЫРАК**

Омский государственный
институт сервиса

КОНЦЕПЦИЯ СОВЕТСКОГО ВКУСА В МОДЕ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»

В статье рассматриваются попытки государства регламентировать модные предпочтения советских людей в период хрущевской «оттепели». Выявлены методы продвижения концепции советского вкуса.

Ключевые слова: советская мода, потребительская культура, концепция хорошего вкуса.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по образованию в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2012 годы, государственный контракт № 14.740.11.0569.

В настоящее время в обществе усиливается интерес к советской культуре. Прошли годы: выросло молодое поколение, знание которого о жизни в Советском Союзе базируется на воспоминаниях родителей и советских кинофильмах, а взрослая часть населения смотрит в наше недавнее прошлое с определённой ностальгией, сравнивая, что было и что есть. Сегодня, в постсоветское время, мы можем абстрагироваться от старого мировоззрения и рассмотреть советскую культуру, в первую очередь, «как способ жизни, как совокупность практик, как

процесс создания ценностей, присущих данному обществу» [1, с. 435–436].

Мы обратимся к моде, как неотъемлемой части советской культуры. Рассматривая особенности моды, необходимо учитывать, что мода — явление массовое, основывающееся на социально-информационных процессах, поэтому она «связана с такими социальными явлениями, как традиции, обычаи, с одной стороны, и общественным мнением и массовыми коммуникациями — с другой» [2, с. 3]. Кроме того, необходимо учитывать, что современная повсе-

дневность очень динамична, но в ней постоянно всплывают фрагменты прошлого. Особенно ярко это проявляется в моде, отсюда важно изучение исторического опыта.

Естественно, говорить о моде в отрыве от политики невозможно.

В советской истории наиболее значимые изменения в костюме происходили в те годы, когда приоткрывался доступ к образцам мировой моды. К такому относится «хрущёвское десятилетие». Период 1950 – 1960-х годов известен своими политическими и экономическими реформами, но именно в это время произошла и «легитимизация» моды в СССР. Коммерческое, потребительское по своей сути явление моды в тот период встраивалось в государственную просветительскую культурную политику. Руководством страны была инициирована работа по созданию особой советской моды. Кроме того, одежда использовалась как символический ресурс власти.

Жизнь советского государства после XX съезда КПСС (1956 г.) характеризуется распространением образцов и ценностей западной культуры среди советских граждан. Этот период наполнен открытиями культурными контактами с западной цивилизацией, открывающими дорогу межнациональному культурному и товарному обмену, который осуществляется не только на уровне государства, но и в повседневной жизни каждого человека. В средствах массовой информации возникает девиз «Все во имя человека, все для блага человека», который озвучивает идею нового периода в социальной и культурной истории, периода новых ценностей и новых жизненных ориентиров. Политика открытости способствовала смягчению официального отношения к западной моде. Но, в противовес западным модным тенденциям, была сформулирована концепция советской моды, «подходящей к условиям советской жизни и отражающей стиль соцреализма» [3, с. 57]. Для советской моды не были характерны сенсационность и экстравагантность, зато ей свойственны удобство, практичность, функциональность и гигиеничность. Меняясь из года в год, мода должна была отражать успехи советской промышленности. Концепция моды являлась способом регламентации внешности. Одновременно в официальном дискурсе 1950 – 1960-х годов выстраивалась концепция советского вкуса, которая создавалась в контексте идеологического соревнования с образцами западной культуры, а также с пережитками предшествующих десятилетий — «вторичного мещанства» сталинского периода. Считалось, что «воспитание вкуса — одна из важных форм борьбы за становление советской социалистической культуры, за культурный рост всех советских людей» [4, с. 159].

Рассмотрим концепцию советского вкуса на примере женской моды.

Вопрос о признаках хорошего вкуса возникает на страницах газет и журналов. В материалах, посвящённых культуре одежды и моды, спрашивается — что же является признаком хорошего вкуса? Здесь же поясняется, что хороший вкус представляет собой сочетание простоты, целесообразности и чувства меры. А художники-модельеры находят ответ в народной мудрости — «что чересчур — то плохо» [5, с. 30]. Например, журнал «Работница» даёт такие рекомендации своим читательницам: «Платье должно быть удобным, простым и вместе с тем изящным. Вычурная одежда свидетельствует о дурном вкусе» [6, с. 29]. В целом в моде выстраивается сдержанная норма в манере одеваться.

Эту же тенденцию можно наблюдать в советских фильмах 1950-х годов, где одежда служит маркером, по которому судят, плохой это или хороший человек. Например, в фильме «Урок жизни» (1955 г.) через одежду наглядно показывается, как должна одеваться женщина, заслуживающая уважения. Это скромная одежда, костюм или платье сдержанного цвета, простого кроя, не акцентирующее женскую фигуру, без декольте. По-прежнему модный костюм чаще встречается у героинь, чей образ жизни не в полной мере соответствует моральным принципам «строителя коммунизма». Например, Танечка Огнева из художественного фильма «Разные судьбы» (1956 г.) всегда одета по последней моде, но тщеславна и корыстна, ценит в людях в первую очередь их положение в обществе и материальный достаток. А в фильме «Женщины» (1966 г.) через костюм выстраивается несколько образов: женщины-руководителя; женщины, оступившейся, но вставшей на правильный путь, и женщины, чей образ жизни осуждается обществом. И здесь мы видим, что модное платье, причёска и украшения являются неотъемлемой частью недостойного образа жизни героини.

Излишнее пристрастие к моде трактовалось как синоним легкомыслия.

Художники и искусствоведы разрабатывают теоретическую основу советской моды и определяют, что «основное направление советского моделирования — это создание такой одежды, которая удовлетворяет вкусы и потребности широкого круга трудящихся, а не единиц, одежды, в которой нет ничего случайного, экстравагантного, нет любования формой ради формы. Зато есть форма целесообразная, находящаяся в гармонии с материалом, есть высокий художественный вкус, который означает “чувство соразмерности и сообразности”» [7, с. 42].

Культуролог О. Вайнштейн в своих работах рассматривает различные аспекты советской моды и приходит к выводу, что советский канон моды как минимум до середины 1960-х базировался на двух основных понятиях «просто» и «скромно», которые вместе составляли основу советского канона красоты [8, с. 49]. Подтверждение этому легко можно найти в женских журналах рассматриваемого периода. Так, в 1960 году на страницах, посвящённых моде, без устали повторяют: «Простая, незатейливая одежда бывает более красивой» [9, с. 30]. Или ещё: «Основная характерная черта современной моды — простота и удобство» [10, с. 29]. Это отличало социалистическую моду от буржуазной западной. Сюда же входили и эпитеты «удобный», «практичный», «строгий», «изящный», «без вычурности и крикливости».

Почему «простота» и «скромность»? О. Вайнштейн объясняет причины существования таких эстетических критериев: «Во-первых, ещё действовала инерция аскетических идеалов первых десятилетий Советской власти, да и в 1950-е годы лёгкая промышленность ещё только оправилась от военной разрухи. Во-вторых, скромность поощрялась в рамках идеологии коллективизма — дисциплина предписывала не выделяться из массы» [11, с. 34]. Считалось, что «всякого рода преувеличения, “загибы” и “крики” моды, как и слепое подражание, — следствие плохого вкуса» [12, с. 17] и в каждой статье любого журнала мод можно было найти предостережения против этого. Естественно, те, кто занимается изготовлением одежды, должен был следовать этим требованиям: «Любая портниха знает, что одеваться модно — это не значит одеваться крикливо и броско,

в ущерб индивидуальным данным» [12, с. 17]. Эти требования стремились донести и до советских людей, что нашло отражение в художественной литературе тех лет: «...женщина стала рассказывать, как надо красиво одеваться, чтобы не было крикливо и в то же время модно. Упрекнула "некоторых молодых людей", которые любят одеваться крикливо (ей очень нравилось это слово — "крикливо")» [13, с. 209].

«Скромность» по теории Ж. К. Болоня больше соответствует понятию «desence», как норма общественного приличия нежели «pudeur», как индивидуальное чувство стыда. Диалектика стыда раскрывается во внутреннем конфликте между разными уровнями сознания: чувством и рассудком [14, с. 14–16]. Поэтому советская женщина должна была лавировать между императивом скромности и личными вкусовыми предпочтениями. То, что выходит за рамки этих предпочтений — мещанство и неумеренность, даже разврат.

В журнале «Работница» попадают статьи, посвященные отделке черного платья, что как нельзя лучше вписывается в советский модный канон скромности и простоты: «Если у вас черное шелковое или шерстяное платье, то с черными кожаными туфлями и сумочкой оно будет казаться скромным и строгим» [15, с. 32].

Наряду со скромностью советская идеология предписывала любителям моды обязательное обладание «чувством меры»: «Отделки в современных модных платьях очень скромны. Не следует перегружать» [16, с. 32]. Чувство меры уравнивалось с понятиями «прилично» и «неприлично» и являлось своеобразным эталоном красоты и вкуса. Например, журнал «Работница», рассуждая об украшениях, напоминает женщинам, что «дополняя туалет ювелирными украшениями, не следует забывать о чувстве меры — этом необходимом условии хорошего вкуса» [17, с. 32].

Члены советского общества, которые, на взгляд этого общества, не обладали чувством меры, подвергались осуждению, к таковым можно отнести, например, стилиг: «Не обладая чувством меры, перегибают во всё: например, модны короткие платья, так они наденут выше колена, модны узкие брюки — сошьют «дудочки» [18, с. 32]. Образ стилиги становится символом всего негативного в советской жизни. Этим можно объяснить туман в головах некоторых советских граждан. «Молодые люди, которые "выделялись" из толпы, имели все шансы подвергнуться преследованиям со стороны разгневанных соотечественников» [19, с. 29]. Соответственно, если выделяешься в манере одеваться из общей массы, сразу попадаешь в категорию стилиги, ханжи и т. д. А любой намёк на усложненность рисунка или изысканность ткани связывался с мещанством, барством, скучной праздностью. «Так, молодую сотрудницу Новосибирского Дома моделей В. Э. Грицюк называли "стилигой" только за модную в те годы пышную юбку и белые перчатки, а за "неприличное" платье с глубоким (по мнению администратора) декольте гневно просили покинуть театр» [20, с. 172].

Существовал и своеобразный «запрет» на ношение женщинами брюк. Поэтому определённым признаком демократизации представлений власти о «приличии в моде» явилось признание женских брюк нормальной одеждой для прогулок, занятий спортом, домашнего досуга. Хотя брюки ещё подразумевались только как элемент исключительно рабочей одежды или вариант для отдыха: «брюки рекомендуется носить только в походах, на спортивных площадках

или дома, но не на улицах города, в общественных местах и так далее» [21, с. 31].

Постепенно брюки проникают в повседневную жизнь женщины, сначала молодой. Например, брюки появились на героине фильма «Взрослые дети» (1961 г.), олицетворяющей молодое поколение архитекторов, которые создают современный город для строителей коммунизма.

Но ношение брюк женщинами в повседневной жизни ещё долго подвергалось осуждению значительной частью общества. Даже 1970-е годы женщинам в брюках могли преградить вход в общественные учреждения «борцы за нравственность». Так, по воспоминаниям Ирэн Андреевой, её не пустили в брючном костюме в Министерство среднего машиностроения, сославшись на приказ коменданта. Такой же запрет существовал и в Минлегпроме СССР [22, с. 135–136].

Рассматривая вопрос о концепции советского вкуса в период «оттепели», следует отметить, что внедрение идеи вкуса было обусловлено распространением потребительских ориентаций в повседневной жизни.

Вовлечённость советской женщины в систему потребления привела к трансформации её взаимоотношений с вещами, что прослеживалось в изменении отношения к моде. Так, например, женские журналы рекомендовали женщинам следить не только за домом, но и за своим внешним видом: быть ухоженными, красивыми, хорошо одетыми. Увеличивался объём страничек, посвящённых моде, рекомендациям по выбору одежды. Они дополнялись советами косметологов. Визуализировался образ «женщины, следящей за своей внешностью» [23, с. 140]. Эти новые веяния привели к трансформации повседневной жизни горожанки. Новый статус женщины и ещё слабые и контролируемые государством перемены общественного мнения относительно одежды требовали внесения изменений в её внешний облик и гардероб. Теперь женщине необходим костюм не только для исполнения функций домашней хозяйки, но и для трудовой деятельности, для свободного времени, для выполнения представительских функций. В результате государственным структурам предстояло решать вопросы удовлетворения потребности граждан в одежде, причём не только в количественном выражении, но и в качественном.

Через средства массовой информации культивировался образ женщины, которая способна перевоплощаться в зависимости от обстоятельств, то есть быть ответственной работницей и хорошей хозяйкой, привлекательной женщиной: «Днём она в тёплом платье, костюме или свитере, толстых чулках, сапожках, весь облик деловой, спортивный, стремительный. Она же вечером — сама женственность: мягкий, обтекаемый силуэт, складки, цветы, блестящая вышивка...» [24, с. 30]. Представление женщины о себе должно резко меняться в зависимости от перехода от одной роли к другой: «С утра — рабочая спецовка, к вечеру она должна была превратиться в очаровательную хозяйку дома, которая в блузке с оборочками ожидает прихода мужа» [25, с. 102].

В то время как «советский одежный этикет во многом базировался на императиве бедности» [26, с. 103], женщины стремились противостоять массовому безликому вкусу. Исследуя женскую моду послевоенного периода, необходимо учитывать то, что интерес женщин к красоте и моде подстегнула война, с одной стороны, принеся с собой трофейные фильмы, одежду и ткани, с другой — создавая трудности в вопросах создания семьи.

Умение женщины одновременно быть труженицей и радушной, хозяйственной красавицей-женой становится потребностью в условиях нехватки мужского населения и острого соперничества за женихов. Женщина стремится доступными ей средствами подчеркнуть свою индивидуальность, что не всегда возможно, так как формируется устойчивый дефицит предметов народного потребления и сохраняется социальное расслоение общества, которое не удалось нивелировать в «хрущевское десятилетие» [27, с. 106–107]. Формально равенство остается одним из основополагающих ценностей советского общества, но наличие социального расслоения даёт возможность обнаружить пропасть в уровне жизни, который разделяет представительниц различных слоев общества. Поэтому возникает стремление, распространённое в России ещё в XIX – начале XX века в мещанской среде, повысить через одежду свой социальный статус. Формируется пристрастие к так называемому «дешёвому шику», когда изготавливаются копии дорогих статусных вещей путём удешевления материала и качества работы. Подобное чрезмерное украшательство особенно характерно для костюма провинциальных городов, в том числе и г. Омска.

Таким образом, впервые в советской истории, став субъектом потребительского рынка, советская женщина стремится пополнить свой гардероб разнообразной одеждой и обувью с учётом изменения её роли в жизни общества. Но существующие социально-экономические и культурные факторы оказывали существенное влияние на процесс выбора.

Во-первых, концепция советского вкуса в отличие от буржуазного диктовала требования к одежде, где основными качественными характеристиками являлись простота и скромность. Этот стиль характерен для моделей одежды, выпускаемых на предприятиях лёгкой промышленности рассматриваемого периода. Но неспособность швейных предприятий к выпуску модной, качественной и разнообразной одежды приводит к неудовлетворённому спросу и дефициту на многие виды одежды. А излишняя специализация предприятий, зависимость от плана, слабая связь с моделирующими организациями приводит к выпуску неинтересной, старомодной, однотипной одежды. Предприятия сферы услуг так же не могут в полной мере удовлетворить потребность в модной и качественной одежде.

Во-вторых, стремление выделиться на однообразном безликом фоне одежды массового производства требует поиск путей реализации своих эстетических требований к одежде. Советские женщины вырабатывают собственные стратегии, в результате которых повсеместно происходит адаптация образцов женского костюма в соответствии с их требованиями к ней. При этом они нередко прибегают к излишней вычурности и неуместности своего наряда. То есть происходила корректировка концепции советского вкуса в соответствии с собственным вкусом потребителей.

Советская цивилизация уже не существует, но она продолжает во многом определять стиль российских женщин, основанный на глубинных стереотипах советской эпохи. Мода советского периода существенно повлияла на вкусы и предпочтения современных женщин, которые являются активными потребителями одежды. В постсоветское время преодолена проблема дефицита потребительских товаров и на нашем рынке наблюдается изобилие западных вещей, но практики обращения с одеждой в России по-прежнему во многом отличаются от

европейских стран. Так исследовательница О. Вайнштейн отмечает такие характерные черты одежды российской женщины, сформировавшиеся в советский период, как феномен «разряженности», пристрастие к дешёвому шику, преклонение перед западными лейблами [11, с. 35–36]. Эти черты наиболее ярко проявились в начале 1990-х годов, но и сегодня продолжают оказывать влияния на процесс формирования гардероба современной женщины.

Наблюдаются и рецидивы контроля внешнего облика женщины, характерные для всего советского периода.

Библиографический список

1. Усманова, А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований / А. Усманова // Введение в гендерные исследования. Ч. 1. ; под ред. И. А. Жеребкиной. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 427–464.
2. Петров, Л. В. Мода как общественное явление / Л. В. Петров. – Л. : Знание, 1974. – 32 с.
3. Захарова, Л. Советская мода 1950–1960-х годов: политика, экономика, повседневность / Л. Захарова // Теория моды. – 2007. – № 3. – С. 55–80.
4. Жуков, Н. Воспитание вкуса. Заметки художника / Н. Жуков // Новый мир. – 1954. – № 10. – С. 159–179.
5. Мерцалова, М. Что чересчур, то плохо / М. Мерцалова // Работница. – 1964. – № 11. – С. 30.
6. Поликовская, Е. Как красиво одеваться / Е. Поликовская // Работница. – 1954. – № 4. – С. 29.
7. Соловьёва Е. Наша мода / Е. Соловьёва // Декоративное искусство СССР. – 1963. – № 6. – С. 42–46.
8. Вайнштейн, О. Б. Полные смотрят вниз. Идеология женской телесности в контексте российской моды / О. Б. Вайнштейн // Художественный журнал. – 1995. – № 7. – С. 49–53.
9. Левашова, А. Что предлагает мода / А. Левашова // Работница. – 1960. – № 4. – С. 30.
10. Ефремова, Л. К. Умеете ли вы красиво одеваться / Л. К. Ефремова // Работница. – 1960. – № 7. – С. 29.
11. Вайнштейн, О. Б. Улыбка чеширского кота: взгляд на российскую модницу / О. Б. Вайнштейн // Женщина и визуальные знаки ; ред. А. Альчук. – М. : Идея-Пресс, 2000. – С. 30–40.
12. Чекалов А. Через моду формируется стиль / А. Чекалов // Декоративное искусство СССР. – 1963. – № 3. – С. 13–17.
13. Шукшин, В. Калина красная / В. Шукшин. – М. : АСТ Зебра Е, 2006. – 462 с.
14. Bologne, J. C. Histoire de la pudeur. – P. : Olievier Orban, 1986. – 384 p.
15. Никольская, Е. Что может украсить ваше платье? / Е. Никольская // Работница. – 1960. – № 4. – С. 32.
16. Семёнова, Е. В. Поговорим о современной моде / Е. В. Семёнова // Работница. – 1960. – № 9. – С. 32.
17. Семёнова, Е. В. Украшения? Да, но в меру / Е. В. Семёнова // Работница. – 1959. – № 12. – С. 32.
18. Поливода, Н. В ногу с модой / Н. Поливода // Крестьянка. – 1963. – № 12. – С. 32.
19. Рот-Ай, К. Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея «молодёжной культуры» в эпоху «оттепели» / К. Рот-Ай // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 4(36). – С. 26–34.
20. Виниченко, И. В. Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX века: женский костюм в моделях одежды и бытовой практике : монография / И. В. Виниченко. – Омск : Омский государственный институт сервиса, 2010. – 234 с.
21. Колчинская, Н. Последите за собой, пожалуйста! / Н. Колчинская, Р. Салтанова // Работница. – 1960. – № 6. – С. 31.
22. Андреева И. Частная жизнь при социализме. Отчёт советского обывателя / Предисловие Р. Кирсановой / И. Андреева. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 344 с.

23. Кирьянова, О. И. Журнальные образы женщин и социальные ценности в СССР послевоенного десятилетия / О. И. Кирьянова // Вестник Пермского университета. — 2007. — № 3(8). — С. 137–142.

24. Костыгова, Т. Путешествие в моду / Н. Костыгова // Работница. — 1966. — № 1. — С. 30.

25. Градскова, Ю. Обычная советская женщина: обзор описаний идентичности / Ю. Градскова. — М.: Компания «Спутник», 1999. — 155 с.

26. Вайнштейн, О. Б. Моё любимое платье: портниха как культурный герой в Советской России / О. Б. Вайнштейн // Теория моды. — 2007. — № 3. — С. 101–126.

27. Мерль, С. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и

реальность / С. Мерль // Отечественная история. — 1998. — № 1. — С. 97–117.

ВИНИЧЕНКО Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Конструирование швейных изделий».

Адрес для переписки: e-mail: irvin61@mail.ru

ГМЫРАК Анна Николаевна, магистрант кафедры «Конструирование швейных изделий».

Адрес для переписки: e-mail: anna_gmyrak@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.06.2011 г.

© И. В. Виниченко, А. Н. Гмырак

УДК 17.035.3:316.722(44)

О. А. ЖБИКОВСКАЯ

Омский государственный университет путей сообщения

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИИ

Статья посвящена формированию идеи исключительности французской нации в самосознании ее представителей. На основе проведенного эмпирического исследования и анализа работ различных авторов, занимавшихся изучением национального характера французов, автор выявляет философско-культурологическое основание идеи исключительности французской нации, которая связана в основном с особенностями географического положения Франции, благоприятными условиями ведения хозяйства, высоким уровнем влияния этой страны на ход европейской истории в прошлом.

Ключевые слова: самосознание представителей, национальный характер, французы, идея исключительности, Франция.

«Обращение «гражданин» во Франции — это не формальность, а нередко призыв к гражданскому действию» [1, с. 76]. Этим высказыванием можно объяснить тот факт, что все без исключения респонденты в проведенном автором эмпирическом исследовании указали следующие ассоциации к понятию «француз»: **гражданин, европеец, горд тем, что француз**, три респондента в ответ на вопрос, «кто я», — ответили: **Франция**. Вообще, «пожалуй, нигде в Европе идея нации, которая родилась именно во Франции, не остается сегодня столь важным, как в этой стране, компонентом системы духовных ценностей народа, его культурной идентичности, необходимым условием легитимности любого политического режима» [2, с. 27]. Ещё Д. Дидро отмечал, что «нет другого народа, который походил бы так на одну семью» [3, с. 440], а Жозеф де Местр говорил о миссии Франции осуществлять над Европой подлинную власть, оспаривать которую было бы бесполезно [4, с. 19]. Хотя, если заглянуть в историю, далекие предки современных французов — галлы, т.е. кельтские племена, пришедшие на территорию нынешней Франции из долины Дуная, — были различны по нравам, говорили на разных наречиях и постоянно враждовали между собой, и Франция «долго оставалась конгломератом пестрых этнокультурных групп: в XVII в., когда территория Франции в Европе практически уже сложилась, треть подданных «короля-солнца» Людовика XIV все еще говорила на местных наречиях («патуа») или даже на языках соседних стран

в недавно завоеванных провинциях» [2, с. 27–28]. Чем же объясняется эта французская исключительность по отношению к своей нации? По мнению Ю. И. Рубинского, «французское исключение» во многом связано с драматическими страницами истории. На протяжении веков политические или религиозные распри не раз выливались во Франции в кровавые гражданские войны с вмешательством иностранцев, ставившие страну на грань национальной катастрофы.... Страх перед угрозой распада страны предопределил победу сторонников административной централизации и национально-культурной унификации над их противниками. В результате и оказалось, что, с одной стороны, «Франция — это не этнос, а культура» [2, с. 29], а с другой — что принадлежность к этой культуре рефлексировалась ее представителями как факт, ощутимо и многопланово детерминирующий их реальное бытие.

Можно выделить также исторический фактор, повлиявший на формирование идеи исключительности французской нации в самосознании ее представителей. Благодаря сравнительно обширной площади, мягкому и разнообразному климату, обилию влаги и плодородных земель Франция долго была самой населенной страной Европы. Две тысячи лет назад, после завоевания Галлии Юлием Цезарем, она насчитывала 6,7 млн жителей — больше, чем любая другая провинция Римской империи. В Средние века, например, в царствование Людовика IX Святого (1228), французов было уже 16 млн, во времена

«короля-солнца» Людовика XIV (1700) — 21 млн. Их было тогда в 1,5–2 раза больше, чем немцев, англичан или итальянцев. Франция превосходила по населению даже Россию времен Петра I, которая в те времена соответствовала двум третям населения Франции [5, с. 30]. В середине XVII в. (1650) доля Франции в населении Европы достигала 24,4 %: каждый четвертый европеец был французом. Поскольку в те времена мощь государства определялась прежде всего числом подданных, способных платить налоги и поставлять солдат в армию, а французы, в подавляющем большинстве крестьяне, отвечали обоим этим требованиям, их монархи — от Бурбонов до Бонапартов — неоднократно претендовали на европейское преимущество. И. А. Мильчина, анализируя французскую прессу XVII – XVIII веков, отмечает, что «нация основополагающая, она так же относится к прочим нациям, как Париж к французским провинциям; она насаждает в Европе свой вкус, свои прихоти, свои идеи; весь мир берет с нее пример; всякая форма, ею принятая, становится образцом, которому другие нации подражают слепо, без размышлений. Если она покойна — значит, покоен и весь мир... Если она приходит в волнение, значит, вся европейская система разлагается и ломается; ее деяния, ее заблуждения, даже ее безумства столь грандиозны, что приобретают всемирный характер и впитывают все, что есть великого в нынешнем мире, притягивают к себе все мысли и все взгляды» [6, с. 333]. Таким образом, речь идет о демографическом превосходстве Франции над остальной Европой, сохранявшемся вплоть до середины XIX века.

В. Жискар д'Эстен отмечает также влияние географического фактора на формирование представления французов о собственной исключительности: «...три стороны шестиугольника французской территории составляют моря или океаны, а полторы стороны — высокие горы. На соседние страны Франция выходит прямо лишь одной своей стороной — северо-восточной... Отсюда искушение считать, что наша страна в самом деле является центром мира» [7, с. 50].

Французы, пребывая в уверенности, что они лучшие во всем, «...считают себя единственной по настоящему цивилизованной нацией в мире и уверены, что их задача — вести остальные народы за собой, освещая им путь ореолом собственной избранности. Во всех жизненно важных вопросах они, безусловно, эксперты, а то, в чем они себя экспертами не чувствуют, просто не имеет для них ни малейшего значения» [8].

Французы полностью равнодушны к своим соседям, благодаря чувству неразрывности со своей землей и длительному пребыванию «в своих границах», точнее, «у себя дома» [7, с. 50]. Однако основное чувство «центральности», которое и теперь испытывают французы и которое настойчиво заставляет их вспоминать о тех временах, когда они вызывали интерес и восхищение остального мира, Валери Жискар д'Эстен видит в продолжавшейся почти три столетия — семнадцатое, восемнадцатое и девятнадцатое — эпохе блестящего расцвета и подлинного господства французской цивилизации и культуры [7, с. 50]. Таким образом, вышеперечисленные факторы повлияли на то, что в суждения и в поведение французов постепенно проникала идея, в соответствии с которой Франция составляет некое центральное ядро исторических и политических процессов на планете. «...Французы видят славу для себя и в том, что остальным представляется явным пораже-

нием» [8]. Они, например, убеждены, что Франция выиграла практически все войны, в которых когда-либо участвовала. «Французы уверены: их Родина не может не быть победительницей» [8]. Так, например, путешествуя по Франции, вы увидите множество памятников, посвященных I Мировой войне, но практически не встретите мемориалов, посвященных II Мировой. Даже намёк на неудачи не должен приносить, он «вытесняется». Однако это не означает, что французы искореняют всё то, что негативно сказалось когда-либо на имидже их страны. «Исторические памятники, культурное наследие здесь учат беречь с первых шагов. В оценке своей Великой революции французская нация не страдает никаким чувством вины, не торопится раздирать зарубцевавшиеся раны истории и посыпать их солью. Это только мы, русские, этим занимаемся и последовательно выполняем завет Луи Клода Денуайе, из века в век «убивая» своих некогда почитаемых мертвых» [1, с. 71].

Таким образом, говоря словами Р. Льюиса, «французский народ живет в собственном мире, центром которого является Франция. Французы поглощены своей историей и склонны верить в то, что их страна задала стандарты демократии, справедливости, государственных и законодательных систем, военной стратегии, философии, науки, сельского хозяйства, виноградарства, изысканной кухни и «умения жить» [9, с. 282].

Таким образом, философско-культурологическое обоснование исключительности французов связано в основном с особенностями географического положения Франции, благоприятными условиями ведения хозяйства, высоким уровнем влияния Франции на ход европейской истории в прошлом. Изучение таких особенностей национального характера особенно важно для межкультурного взаимодействия.

Библиографический список

1. Большаков, В. Эти поразительные французы: записки собственного корреспондента во Франции / В. Большаков. — М. : АСТ : Астрель, 2007. — С. 71–76.
2. Франция в поисках новых путей / Под ред. Ю. И. Рубинского. — М. : Весь мир, 2007. — С. 27–29.
3. Дидро, Д. Сочинения. В 2 т. Т. 2. /Д. Дидро : пер. с фр. // Сост. и ред. В. Н. Кузнецова. — М. : Мысль, 1991. — 604 с.
4. Местр, Ж. М. де. Рассуждения о Франции / Ж. М. Местр. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. — 216 с.
5. Вольтер. История Карла XII, короля Швеции и Петра Великого, императора России / Вольтер. — СПб. : Лимбус Пресс, 1999. — 304 с.
6. Мильчина, В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литературы. Шпионы / В. А. Мильчина. — СПб. : Гиперион, 2004. — 528 с.
7. Жискар Д' Эстен, В. Размышления о судьбе народа / Д' Эстен Жискар : пер. с фр. — М. : Ладомир, 2004. — 248 с.
8. Япп, Н. Эти странные французы / Н. Япп, М. Сиретт. [Электронный ресурс]. — URL : http://lib.aldebaran.ru/author/yapp_nik/yapp_nik_u (дата обращения: 14.08.2007).
9. Льюис, Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / Р. Льюис : пер. с англ. — М. : Дело, 1999. — 439 с.

ЖБИКОВСКАЯ Оксана Алексеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры «Русский и иностранные языки».

Адрес для переписки: e-mail: zbikovsky@list.ru

Статья поступила в редакцию 10.06.2011 г.

© О. А. Жбиковская

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФОРМЫ В ДИЗАЙНЕРСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Дизайн вещей напрямую связан с формой. Ее внутреннее содержание основывается на психологическом и функциональном аспекте сущности формы и является отражением вкуса, внутренней эстетики и миропознания окружающего микро- и макрокосмоса. Статья направлена на анализ данных взаимодействий с рассмотрением исследований, которые ведут ученые разных стран в вопросе визуального воздействия формы на человека.

Ключевые слова: форма, дизайн, функциональность.

Дизайн из инструмента технической эстетики промышленного проектирования, призванного осуществлять связь между производством и потреблением, перерастает в культурную универсалию, ныне интегрированную во все сферы жизнедеятельности, обеспечивающую ценностный ресурс культуротворческого поведения человека, выражения и предметной реализации общественного идеала обеспечения условий свободной самореализации целостного человека. В современном мире дизайн все чаще рассматривают не только как функциональное искусство, но и как искусство визуального воздействия. Созданию вещей и жизни возле них придается очень большое значение. Философское осмысление необходимости и сущности дизайна вытекает из своеобразия создаваемых им предметных форм, предназначенных не только удовлетворять потребности человека, но и украшать и воспитывать своей красотой формы и внутреннее содержание.

Рождение вещи вытекает из ее предназначения. С этим связаны ее форма, сущность, возможность и граница ее бытия. Бытие предмета, в свою очередь, рождает ее культурное пространство. Оно всегда разное и зависит от множества факторов и явлений, начиная с индивидуального воспроизведения до коллективного и от практического применения до духовного восприятия. То есть, как пишет Т. Ю. Быстрова: «Создавая что-либо новое, человек осуществляет себя в этом мире» [1. с. 98].

Понятие форма является непосредственной частью нашей повседневной жизни. Отовсюду слышится: форма носа, глаз, форма письма, форма повествования, расположения, форма одежды и т.д. Но все же что есть форма?

Как отмечает Т. Ю. Быстрова: «При видимой простоте обыденных значений «форма» — это одно из самых сложных и трудноопределимых философских понятий, особенно когда речь заходит о материально-вещественных образованиях» [1. с. 128].

Существует множество определений: форма — как «граница», форма — как «процесс», форма — как культурный объект.

Однако форму предмета и ее отдельные элементы можно рассматривать и как гармоничное взаимодействие человека и мира, который его окружает. Определенное положение вещей друг относительно друга поддерживает порядок мира, частью которого эти вещи являются. Более того, структуры

предметов и больших начал мира подобны, по малому можно догадаться о большом, дать ему осуществиться. Как утверждают религии мира, человек подобен Богу. Из этого следует, что форма есть отражение вкуса, внутренней эстетики и миропознания окружающего микро- и макрокосмоса. Духовное переживание от формы приводит к гармонизации человека и окружения.

В дизайне и тому, что ему предшествовало, все возникало как рациональное — но лишь для общества или его отдельных представителей. Дизайн, вслед за греческой античностью, настаивает на возможности достижения тождества пользы и красоты, утилитарного и эстетического, тогда как в искусстве или инженерно-техническом проектировании этого баланса нет.

Создание формы требует от дизайнера сразу многих способностей и представляет собой синтез эмоционального и рационального, образного и понятийного начал, который далеко не всегда требуется в других видах проектирования.

Между формой и содержанием не существует четкой границы. Эти два понятия связаны, как инь и янь. Внешняя форма диктуется человеком, задается внешними обстоятельствами, а внутренняя — идет изнутри, из сокровенной сути предмета.

Внешняя форма — это нечто материальное, это то, что можно увидеть или потрогать. Внутренняя форма — это ее духовное наполнение.

Содержание — такое же практическое понятие, как и философское. Кувшин может быть наполнен водой, а может содержать емкость для воды. И оба этих случая характеризуют содержание формы.

Анализируя форму в дизайне, следует понимать, что объектом дизайнерской деятельности является мир вещей, которые создаются человеком средствами индустриальной техники по законам красоты и функционирования. Очень часто дизайнер вдохновляется окружающей природой, внимательно наблюдая объекты природы или явления. В результате получаются уникальные произведения очень близкие душевной гармонии человека.

Предмет дизайнерской деятельности может выступать как предмет эстетического воздействия на бытие человека. Даже в самом незначительном и обыденном предмете, если в нем вложена дизайнерская мысль, можно увидеть эстетически прекрасное произведение, которое естественным образом, не

навязного будет влиять на эстетический вкус человека. Процесс создания предмета обуславливается утилитарно-практическими потребностями, преобразовывая бытие пространства и служа эволюционным моментом для дальнейшего развития мысли и продукта. Как отмечает Т. Ю. Быстрова: «Он (т.е. предмет. — Прим. автора) предстоит человеку, являясь чем-то качественно отличным и одновременно возникая только благодаря присутствию и усилиям последнего» [1. с. 45].

Любая вещь является аккумулятором миропонимания, ценностных установок своего создателя, передавая энергетику людям для употребления качественного продукта мировосприятия бытия. Мир вещи отражает внутренний мир создателя и от того насколько богат его внутренний мир, настолько эффективна будет созданная вещь или форма. Т. Ю. Быстрова утверждает по этому поводу следующее: «...Все законы создания и функционирования вещей будут в первую очередь связаны с изменениями в человеке, в его представлениях о себе» [1. с. 53]. Не смотря на то, что дизайнер не всегда свободен в творческом процессе, все же он воплощает в вещи в первую очередь свое представление и видение. Форма вещи выбирается творцом в соответствии с теми представлениями и интеллектуально-нравственными принципами, которыми он обладает и которые его волнуют на момент создания. Взгляды и пристрастия дизайнера могут меняться, так же как меняются и устои, и идеалы общества, государства.

Понятие «дизайн» сегодня ассоциируется с самыми прогрессивными явлениями и самыми современными техническими достижениями. Производство дизайна не только созвучно своему времени, но и, как правило, на полшага впереди современности. Как утверждает Е. Л. Абаимова: «Под воздействием исторических, культурных, экономических, политических процессов, технологический «прорыв» образовал такие новые виды современных продуктов, как компьютерные и телекоммуникации, мультимедиа и имиджи, он интерпретировал продукты духовной и материальной деятельности, зафиксированные в культуре и ее знаковых системах, в результате чего образовалось культурное «гиперпространство», погрузившее человека в многоканальный мир диалога со всем миром. В свою очередь и дизайн испытывает на себе позитивные и негативные воздействия социокультурного, экологического контекста и не может существовать вне дискурса непонимания и встречного перцептуального вызова, генерируемого коммуникацией» [2, с. 11]. Поэтому, находясь в тесном контакте с окружением, дизайн стремится не только выразить насущные потребности человека, но и на современном этапе направить общество в новое русло. Ведь, как подчеркивает Т. Ю. Быстрова, вещь способна: «...„подтягивать“ человека в эмоциональном и интеллектуальном отношении, совершенствовать его» [1. с. 88]. Действительно, вещь, обладающая красивой и совершенной формой, всегда определяет духовно-психологическое состояние человека. При этом большую роль играет визуальное восприятие образа, отражающего гармоничное представление о сути вещи. Главное, чтобы совпадало внешнее и внутреннее содержание объекта. Так как несовпадение этих представлений ведет к дисгармонии и дискомфорту. Еще в древние времена говорилось о важности достижения гармонии и единства человека и мира, в котором он существует. Одухотворяясь предметами своего производства, человек растет, совершенствуется, а значит, движется сам и движет общество в целом.

Людей всегда привлекала красота вещей, поэтому еще в первобытный период человек стремился как-то украсить свой быт, создавая уникальные по красоте и пластике узоры на предметах быта, в частности, на вазах. И сегодня вазы, появившись, как свидетельствуют археологические данные, еще в эпоху мезолита (среднекаменного века) 15–12 тыс. лет тому назад, поражают органичностью узора и формы. Пластика линий узора наполнена философской магией. Это не случайные линии, а наполненные мифическим смыслом орнаменты, как зашифрованные послания будущему. Форма и линии первобытного искусства привлекали и привлекают художников, дизайнеров всегда, потому как вещи, созданные на заре человечества, имеют не только красивые формы и линии, но они еще и обладают космичностью. Так как первобытный человек — это человек природы, то и вещи, им произведенные, обладают одушевленной силой макрокосмоса, являясь носителем ее идеи и определенной философией мироздания.

Профессия дизайнера очень молода. Практика раннего дизайна была весьма примитивной. Функциональностью и экономичностью производимой продукции занимались инженеры, дизайнеры же отвечали лишь за ее эстетический вид. Не понимая, что механизация производства ведет к решительному разрыву с прошлым, дизайнеры лишь имитировали в образцах массовой продукции форму, стиль и материалы, свойственные традиционным изделиям ручного труда. Первые образцы промышленных изделий были далеко не совершенными и, как правило, уступали качеством продукции мануфактурного и ремесленного производства, обладающего опытом и традициями, накопленными веками, секретами, передаваемыми из поколения в поколение. Кроме того, обнаружилась также эстетическая инородность в окружающей среде изготовленных машинным способом изделий, непривычность их форм, а также самой мысли о массовом тиражировании — изготовлении сотен и тысяч похожих друг на друга как две капли воды изделий. В результате возникла необходимость в особом специалисте, способном не только создавать привлекательный внешний вид, отвечающий веяниям моды и запросам потребителя, форму изделия, но и хорошо разбираться в конструировании и технологии машинного производства. Только в условиях решения комплексных инженерно-технических, художественных вопросов возможно, как показала практика, создавать конкурентоспособную продукцию.

Дизайн облегчает человеку работу и быт, влияет на стиль жизни. Он, как никакой другой вид проектно-художественной деятельности, стремится к созданию комфортной для человека среды на основе специальных научных исследований, оптимальных условий жизнедеятельности человека, его потребностей, условий взаимодействия с современной техникой. Чтобы не происходило в обществе — новые музыкальные увлечения, интерес к старым рецептам выпечки домашнего хлеба, повышенное внимание к здоровью — все находит отражение в дизайне, который, в свою очередь, способствует дальнейшему развитию новых тенденций.

Дизайн отличает ориентация на передовые технологии и материалы, которые облачены в оригинальные формы и самые современные технические достижения, отвечающие веяниям моды и высоким

потребительским свойствам выпускаемых изделий, рассчитанные на самые разнообразные вкусы людей.

Благодаря поискам дизайнеров новых форм можно сегодня заглянуть в будущее, причем представленное не в фантазиях художников-футуристов, а в реально существующих промышленных образцах. Крупные компании, скрупулезно изучая динамику потребительского спроса, прогнозируют будущее, работают на него, создавая перспективные модели уже для покупателей завтрашнего дня с их разнообразными запросами и изысканным вкусом.

Дизайн, стремясь завоевать потребителя, использует различные приемы и формы. Линия, одна из выразительных средств и приемов в композиции, может многое, особенно в дизайнерском творчестве. Линии, которые используются для создания форм, закладывают определенное психологически-филоσοфское значение, очень важное для восприятия потребителем.

С современным дизайнерском творчестве акцент делается на форму потому, что учитывая функциональность вещи, используются не только физические характеристики форм, но и учитываются ее эмоционально-психологическое свойство. Усилить свойство и эффект формы можно различными способами. Так можно применить цвет, что часто и используют дизайнеры, особенно в таком сравнительно новом направлении как промышленный, индустриальный дизайн. Все чаще на форму «накладывают» цвет, для того чтобы трубы, приборы или части зданий имели привлекательный, эстетический вид.

В графическом дизайне в оформлении открыток, буклетов, а в рекламе — вывесок, баннеров наряду с оригинальностью форм и линий применяют какие-либо фактурные вещи. Данные дополнения являются «аксессуарами» формы, делая ее более привлекательной.

Об эмоционально-психологическом влиянии формы на человека ведутся постоянные исследования, но в большей мере пишут о форме из различных линий.

Эстетическую выразительность линий, плоскостей, цвета, пространств и объемов, составляющих форму, как основу эмоционального воздействия на человека, исследуют психологи и эстетики XIX века, такие как Г. Фехнер, В. Гельмгольц, В. Вундт. В 1940 г. для изучения характеристики личности Э. Мир и М. Лопец разработали методику миокинетической психодиагностики, основанной на тестировании при помощи графических изображений на плоскости. Система тестов предусматривает выполнение нескольких серий движений в разных направлениях в пространстве, изучая тем самым графические движения, делались выводы о нейродинамических и характерологических особенностях человека. Диагностика особенностей личности связывалась с характером психомоторики, с доминированием правшества или левшества.

Психологическое пространство не нейтрально и всякое движение в нем приобретает, кроме своего механического эффекта, особое значение в соответствии со смыслом его выполнения для субъекта. Отсюда вытекает, что если предложить испытуемому делать движения в разных направлениях пространства, не позволяя зрением контролировать их протяженность и направление, то можно наблюдать, как происходит систематическое отклонение этих движений. Последнее указывает на доминирующую у данного испытуемого группу мышц, которая, в свою

очередь, может служить индикатором доминирующей группы действий испытуемого в данном пространстве.

Миокинетическая методика Мира и Лопца — состоит из 7 субтестов, в каждом используется таблица, где начерчены линии разной конфигурации. Параллели, кружки, лестницы, цепи, зигзаги рисуют карандашом. Данные линии обводят несколько раз, затем выполняют ту же работу вслепую правой и левой рукой. Сначала эти упражнения делают в горизонтальной плоскости, затем в вертикальной.

В результате оценивают длину линии и характер их отклонения (при обведении вслепую). Интерпретация основана на том, что любое психическое проявление сопряжено с мышечным движением. Выясняют, какая половина тела более развита и в большей степени контролируется сознанием. Моторные проявления доминирующей половины тела обнаруживают актуальные установки человека. Противоположная половина тела связана с инстинктивными установками. В зависимости от рода отклонений делается вывод о проявлениях установок человека. Если отклонение выражено вверх, то у человека высокая степень возбуждения и т.д.

Данная экспериментально-психологическая методика исследования личности, относится к проективным методикам изучения экспрессии.

Другая методика, основанная на геометрических формах и зигзагообразной линии, была разработана в США Сьюзен Деллингер.

Эта методика позволяет достаточно быстро определить тип личности человека. Дает подробную характеристику личных качеств и особенностей поведения любого человека. С ее помощью можно стармонировать модель поведения для каждого типа личности в типичных ситуациях.

Точность диагностики с помощью психометрического метода достигает 85 %.

Данные исследования — это лишь одна часть важнейших понятий, с которыми издавна связывалось ценностное осознание формы. Свойства и характер формы должны выступать как передача визуального образа красоты и удобства, выражающая систему ценностных ориентаций в общественном мировоззрении.

В мировоззрении накапливается опыт уяснения смысловой основы человеческой жизни, все новые поколения людей приобщаются к духовному миру прадедов, дедов, отцов, современников, что-то бережно храня, от чего-то решительно отказываясь. В результате происходит накопление взглядов, оценок, принципов, определяющих самое общее видение, понимание мира.

Аккумулятором мировоззрения, мироустройства и миропонимания в современном обществе является форма объекта, предмета, образа. Жизнь в природном и общественном мире рождает в людях сложную гамму чувств и переживаний. Сочетания различных чувств дают вариации типов человеческих мироощущений и как итог — создание своеобразных форм, которые окружают и удовлетворяют потребности людей.

Библиографический список

1. Быстрова, Т. Ю. Вещь. Форма. Стил: Введение в философию дизайна / Т. Ю. Быстрова. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001. — 288 с.
2. Абаимова, Е. А. Дизайн как общекультурный и национальный феномен : дис. ... к. филос. н. / Е. А. Абаимова. — Ростов-на-Дону, 2009. — 147 с.

ОСМАНКИНА Галина Юрьевна, кандидат культурологии, доцент (Россия), доцент кафедры дизайна и технологии медиаиндустрии.

Адрес для переписки: e-mail: Feodoravizant@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.04.2010 г.

© Г. Ю. Османкина

УДК 39+008

А. М. ДИЯНОВА

Омский государственный университет им Ф. М. Достоевского

ОБЕРЕГИ В ТРАДИЦИОННОЙ РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СИБИРСКИХ ТАТАР

Статья посвящена изучению одного из аспектов традиционной культуры сибирских татар — оберегов в родильной обрядности. Автор рассматривает обереги как составляющую обрядности, сопровождающей одно из «переходных состояний» — родины, выделяет этапы в родильной обрядности, предписывающие применение оберегов; определяет особенности использования оберегов на каждом этапе.

Ключевые слова: оберег, родильная обрядность, традиционная культура, периоды перехода, беременная женщина, ребенок.

Одним из проявлений традиционной духовной культуры является вера человека в возможность иррационально воздействовать на окружающую действительность. Формами такого воздействия являются различные магические практики, в том числе и использование оберегов (апотропеев). В традиционной культуре обереги находят широкое применение, как в повседневной, так и в обрядовой, ритуальной сфере жизни людей. Различие между этими сферами заключается в той значимости, которой они наделяются. Применительно к традиционной культуре повседневности использование оберегов носит рекомендательный характер и не отличается строгостью исполнения. Обереги, существующие в рамках обряда, имеют глубокое символическое значение, и от их использования зависит благополучное протекание всего обрядового периода. К таким обрядовым периодам в традиционной культуре относятся родины, свадьба и похороны.

Хотя термин «оберег» широко употребляется в научной литературе, у исследователей до сих пор не сложилось определенного мнения, какой круг явлений традиционной культуры подпадает под это понятие. Различные понимания оберегов встречены нами у ряда авторов — Дж. Фрэзера [1], Б. Малиновского [2], С. А. Токарев [3] и др.

Но для нас наиболее приемлем и привлекателен подход к определению оберега, предложенный Е. Е. Левкиевской [4]. В данной работе мы будем придерживаться именно его. Автор выделяет три основные формы апотропеев: оберег-предмет, словесный и оберег-действие. Кроме того, Е. Е. Левкиевская рассматривает так называемую апотропеическую ситуацию, в которой присутствуют источник опасности, охраняемый объект, исполнитель оберега. Основная особенность оберега заключается, по мнению автора, в том, что он всегда предшествует опасному событию, апотропией имеет дело не с уже реализованной опасностью, а только с возможностью опасности.

Таким образом, используя подход Е. Е. Левкиевской, под оберегами мы будем понимать комплекс дей-

ствий, предметов, предписаний и запретов, способных предотвратить возможную для человека опасность.

Обереги являются важной составляющей многих обрядов — родильного, свадебного, похоронного, которые в литературе именуется «обрядами перехода». Теория «обрядов перехода» была сформулирована французским этнографом А. ван Геннепом [5]. Согласно его концепции, в традиционной культуре жизнь состоит из последовательной смены этапов — переходов из одной среды в другую, от одного общественного положения к другому — таковыми являются рождение, достижение социальной зрелости, брак, отцовство, смерть и др. [5, с. 9]. Каждый из этих периодов сопровождается ритуалами, церемониями, обрядами, которые должны обеспечить человеку безопасный переход из одного определенного состояния в другое. Так, по мнению А. ван Геннепа, человек, находясь в переходном состоянии, часто подвергается серьезной опасности болезни, смерти, бесплодия, а с другой стороны, сам является источником опасности для других [5, с. 9]. В этом смысле обрядность, относящаяся к переходным этапам, и сопровождающие ее обереги наделяются особым значением и смыслом.

Цель данной статьи заключается в выявлении и классификации оберегов в родильно-крестильной обрядности сибирских татар, описании религиозных представлений, связанных с ними.

Сибирские татары — это тюркское население Сибири, издавна обитающее в основном в сельских районах и городах Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской областей. Разрозненные группы тюркоязычных насельников, живших к западу от Оби, в лесостепной и степной полосе, в исторической литературе носят название барабинцев, терененцев, иртышских, ишимских и тобольских татар. Всех их называют общим именем — «западносибирские или сибирские татары» [6].

Источниковую базу данного исследования составили полевые этнографические материалы за 1975—2007 гг., хранящиеся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета

им. Ф. М. Достоевского (МАЭ ОмГУ) и Музее народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (МНС ОФ ИАЭТ СО РАН). Экспедиции в Новосибирскую, Тюменскую, Омскую области проводились под руководством Н. А. Томилова, М. А. Корусенко, С. Н. Корусенко, А. Г. Селезнева.

Тема родильно-крестильной обрядности как различных групп сибирских татар, так и всего народа в целом получила освещение в работах Н. А. Томилова [7] и Ф. Т. Валева [6]. Авторы подробно описали обрядовые действия в период рождения ребенка и первые годы его жизни (обряд именнаяречения, обряд, связанный с положением ребенка в колыбель, праздник детей), а также дали характеристику тем изменениям, которые появились в родильной обрядности в советский период. Исследованию верований, связанных с родинами, посвящены статьи Н. М. Серебряковой [8] и В. Н. Баилова [9]. В поле внимания ученых оказался демонологический персонаж Албасты — вредоносный дух рожениц и новорожденных детей. Авторы обращаются к характеристике этого духа, рассматривая примеры бытования верований о нем у различных народов, выдвигают гипотезы, касающиеся происхождения демона, приводя в качестве доказательств как полевые этнографические материалы, так и археологические, прослеживая истоки формирования представлений об Албасты.

Рождение является важнейшим событием в жизни человека, потому ритуальное поведение здесь отличается соблюдением большого числа запретов и предписаний, призванных уберечь беременную женщину и новорожденного от целого ряда опасностей. Некоторые действия ввиду особой значимости носят скрытый, тайный характер.

Изучая полевые этнографические материалы, можно выделить три этапа, для которых обязательно применение оберегов, обеспечивающих защиту матери и ребенка на протяжении всего периода перехода. Дородовой этап (или период до беременности и беременность), непосредственно сами роды и опасные жизненные периоды для ребенка (до 40 дней и до 7 лет).

Во время беременности женщине предписывается соблюдать значительное количество запретов, имеющих целью оградить ее и еще не родившегося ребенка от вредоносного влияния со стороны людей или нечистой силы и обеспечить спокойное протекание беременности. Охранительные действия этого периода отличаются особой строгостью соблюдения, ведь именно на начальном этапе очень велика опасность потери ребенка. Беременные женщины наиболее подвержены негативному влиянию, исходящему от всего, что касается смерти. Так, запрещается видеть покойника и входить в тот дом, где он находится, провожать его на кладбище. Это объясняется тем, что ребенок может родиться мертвым или умереть вскоре после рождения [10]. Мы можем предположить, что третий переходный период (смерть), соприкасаясь с первым или вторым (рождение, свадьба), оказывает на объекты перехода (новорожденных, беременных, молодоженов) негативное воздействие. Наступать на места, куда выливали воду после обмывания покойного либо сливали кровь убитого животного (обычно это нехоженые места) также не рекомендуется [11]. Соприкосновение с нечистым местом может сказаться на здоровье роженицы.

Беременным следует особенно остерегаться глаза недоброжелательных людей. В основе возникновения этого представления лежит вера во вредоносное магическое действие человеческих глаз на людей,

на животных, на окружающие предметы. Чтобы уберечься от глаза, после ухода кого-нибудь из гостей из дома, беременной женщине необходимо бросить ему вслед уголек [12]. В некоторых аулах после ухода гостей из дома, где живет беременная женщина, их следы заметают веником накрест [12, Л. 67].

Большое внимание уделяется запираению входных дверей на ночь. Это действие рекомендуется соблюдать каждый день, особенно если в доме есть беременная женщина. Считается, что после захода солнца наступает опасное для человека время, нечистая сила проникает в дома через незапертые двери и всячески вредит человеку.

Можно констатировать, что в представлениях сибирских татар беременная женщина очень уязвима и нуждается в особой защите, с чем связана и вся предродовая обрядность. Источниками опасности для нее является воздействие со стороны покойника, нечистой силы, недоброжелательных людей. Характерная черта этого этапа заключается в преимущественном соблюдении запретов и предписаний беременной женщиной, также именно она будет и исполнителем оберега.

Сами роды — следующий важный этап, требующий использования охранных действий. В народных представлениях существует злой дух беременных женщин — Албасты. Согласно верованиям сибирских татар, Албасты является ночью во время родов в виде женщины, чаще всего безобразной старухи крупного телосложения, с распущенными неприбранными волосами и длинными грудями [13]. Она может наброситься на ребенка, сделать его калеккой или больным, подменить новорожденного, заменив его на черта, или даже умертвить [13, Л. 27]. Иногда, если беременная женщина остается ночевать одна, она также становится подверженной негативному влиянию Албасты. Злой дух рожениц может вытащить ребенка из живота, на утро женщина не обнаружит ребенка, хотя родов не происходило [13, Л. 14]. Поэтому беременную не следует надолго оставлять одну, особенно ночью. Словом Албасты называют неопрятных женщин с длинными распущенными волосами. Непокрытые по традиции платком, если это замужняя женщина, или не заплетенные в косы, если это незамужняя молодая девушка, волосы воспринимаются окружающими как признак нечистоты, отсутствия целомудренности, такие женщины порицаются народной традицией.

Роды обычно принимала бабушка-повитуха («кендыкие-аби»), карточки с подобными сведениями относятся к 1970-м годам. По народным поверьям, каждая повитуха может принять только сто детей, если же она будет принимать больше, то следующих детей может украсть шайтан [14]. Когда начинались роды, для защиты дома от шайтанов у порога зажигали артыш (можжевелик), его запах отпугивал нечистых духов [10, Л. 5]. Вообще, можжевелик считается универсальным оберегом от всей нечистой силы.

Часто трудные роды также связывали с присутствием в доме шайтанов. Чтобы шайтан не смог найти, чем обмыть ребенка, во время родов накрывали всю воду и молоко [15]. В д. Усманка Кыштовского района Новосибирской области был записан следующий случай: «Бабушка моя роды в деревне у женщины одной принимала. Тяжело было, затягивались роды, ребенок все не появлялся. Бабушка прилегла на лавку отдохнуть чуть-чуть и уснула. «Слышу, — говорит, — схватки возобновились, кричит роженица, а подняться не могу». Тут заходит в дом жен-

щина какая-то, вся в белом и говорит: «Воду закрыли, молоко закрыли, чем ребенка обмывать буду?». Проснулась тут бабушка, как закричит на нее, она и убежала. Родился мальчик. А женщина, которая ребенка украсть хотела, шайтаном была» [15].

Иногда сам шайтан мог появиться в женском облике бабки-повитухи, одетой обычно во все белое, в доме, где рожала женщина. Как правило, такая повитуха приходила ночью, принимала роды и забирала с собой ребенка. Роженица же наутро ничего не помнила. Если с женщиной кто-то находился рядом, то шайтанка лишала его способности двигаться и разговаривать. Главное было не упустить момент и успеть спрятать новорожденного, когда повитуха пойдет искать воду для омовения младенца, иначе мать могла навсегда лишиться своего дитя [16].

Рождение ребенка является самой опасной для роженицы и младенца частью переходного этапа, когда под угрозой находится их здоровье и жизнь. Поэтому здесь жизненно важным оказывается правильное соблюдение всех обрядов и применение оберегов, направленных на защиту процесса родов в случае, если что-то пойдет не так. Особую роль здесь играет фигура исполнителя оберега — бабки-повитухи, от действий которой и зависят благополучные роды. Основным источником опасности выступают персонажи нечистой силы — шайтаны, Албасты.

После того, как ребенок появился на свет, повитуха перерезает пуповину, завязывает ее ниткой, обмывает младенца чистой водой и читает при этом молитвы [17]. Через два-три дня проходил обряд имянаречения. В дом приходил мулла, ребенка укладывали на подушку, вокруг становились родственники. Мулла сначала читал молитвы, потом говорил имя на ухо ребенку. Обычно имя выбирали сами родители, если в семье дети рождались и умирали, то новорожденному могли дать имя, в переводе означавшее железо, — Темир, Темирчан, Темиргали [10, Л. 49] и пр. Само имя должно было сделать человека крепким, сильным, как железо, что в представлениях сибирских татар, выступало в роли оберега.

До сорока дней новорожденного нельзя оставлять одного, по народным представлениям, именно в это время его может подменить или вовсе унести шайтан. Подмененный ребенок плохо растет, поздно начинает говорить, часто болеет [12, Л. 67]. Если все-таки матери приходится оставить ребенка ненадолго одного, то следует спрятать под подушку в люльку любой железный предмет или молитву — обереги от нечистой силы [17, Л. 21]. Люльку «тальтык» для ребенка предписывалось делать из можжевельника, отпугивающего шайтанов, такие люльки позже передавались от одного дома к другому, туда, где рождались дети [10, Л. 31]. Над люлькой вешали пучок оберегающей травы шайтан-тегенек («чертова колочка») [12, Л. 67], прикрепляли чеснок, а саму люльку подвешивали к потолку, но не к матице. Информанты объясняют это тем, что матица — дорога Уй Иясэ (домового), он по ней ходит, а любое нарушение заведенного порядка может вызвать его недовольство [18].

Маленькие дети (до года) легко подвергаются сглазу. Поэтому сибирские татары стремились отвлечь взгляды чужих людей от ребенка [3, с. 189]. В качестве средств борьбы со «сглазом» применяются такие предметы, которые, согласно народным верованиям, наделены магическими качествами, способными отвлекать взгляды-воздействия людей, нейтрализовать их. В качестве таких оберегов информанты

используют маленькие кристаллы медного купороса, шарообразные стеклянные пуговицы синего или голубого цветов (кокташ), которые пришивались к головным уборам детей [6, с. 106]. Термин «кокташ», бытующий в лексике сибирских татар, первоначально имел значение небесного или священного камня, обладающего магическим свойством предотвращать несчастья, болезни и т. д. [6, с. 189]. Кроме того, роль оберегов для детей играли небольшие круглые темные пятна на лбу и щеках ребенка. Краски для этих целей изготавливали из корней некоторых дикорастущих растений, иногда использовалась сажа. До семи лет запрещается выпускать ребенка на улицу после захода солнца, это время особо опасно для человека, так как с наступлением темноты выходит вся нечистая сила [12, Л. 67].

Особенность послеродового этапа заключается в том, что охраняемым объектом, на который направлено применение оберегов, является сам ребенок. Исполнителем оберега чаще всего выступает мать ребенка. К источникам опасности относятся нечистая сила, взгляды недоброжелательных людей (сглаз). Большую роль здесь наряду с запретами играют обереги-предметы и молитвы, способствующие безопасности ребенка до окончания всего периода перехода.

Отдельно стоит выделить представления об абортах и бесплодных женщинах. Если женщина сделала аборт, то ее нерожденный ребенок, если его не похоронить на кладбище, превратится в духа нечистой силы [19]. Нерожденные дети вследствие выкидышей превращаются в духов-пери. Пери — это человекообразные существа мужского и женского пола, наделенные свойствами различных духов [10, Л. 35]. Они остаются и живут в домах людей, пери-мужчина может ходить к жене хозяйина в облике самого хозяйина, вступать с ней в интимные связи, от него у нее могут появиться дети-пери [10, Л. 35]. К бесплодной женщине по традиции относились с пренебрежением. Плохой приметой считалось, если она перейдет дорогу кому-нибудь, то случится несчастье. Переход такой женщины дороги молодоженам мог сулить молодой семье несчастье и отсутствие детей [10, Л. 48].

Итак, мы можем констатировать, что традиционная родильная обрядность сибирских татар, как переходный период, обладает широким спектром защитных практик, обеспечивающих охрану беременной и новорожденного от различных источников опасности (сглаз, подмена ребенка нечистой силой и т. д.). На разных этапах данного периода объектами охраны выступают беременная женщина, процесс родов, ребенок. Исполнителем оберега являются сама беременная женщина и повитуха. На каждом этапе охраняемые практики варьируются с преобладанием того или иного вида оберегов. Соблюдение запретов и предписаний, использование оберегов-предметов в выделенных составляющих данного периода перехода (дороговой этап и беременность, роды, опасные жизненные периоды для ребенка) способствует успешному протеканию беременности и родов. Родины как обряд перехода представляют собой важную сферу традиционной культуры, заключающую в себе целый комплекс представлений, относящихся к вере людей в сверхъестественные силы.

Библиографический список

1. Фрезер, Дж. Золотая ветвь. Исследования в области магии и религии : монография / Дж. Фрезер ; пер. с англ. М. К. Рыклиной. — М. : Политиздат, 1980. — 831 с.

2. Малиновский, Б. Магия, наука и религия : монография / Б. Малиновский. — М. : Рефл-бук, 1998. — 290 с.
3. Токарев, С. А. Ранние формы религии : монография / С. А. Токарев. — М. : Политиздат, 1990. — 662 с.
4. Левкиевская, Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура : монография / Е. Е. Левкиевская. — М. : Индрик, 2002. — 336 с. — ISBN 5-85759-185-6.
5. Геннеп, ванн А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов : монография / А. ванн Геннеп. — М. : Восточная литература, 1999. — 198 с. — ISBN 5-02-018038-6.
6. Валеев, Ф. Т. Сибирские татары : культура и быт : монография / Ф. Т. Валеев. — Казань : Татарское кн. изд-во, 1993. — 208 с.
7. Томилов, Н. А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья : монография / Н. А. Томилов. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1980. — 213 с.
8. Серебрякова, М. Н. К характеристике духа Албасты у турок и некоторые параллели в верованиях других народов (к проблеме этнической истории тюркских народов) / М. Н. Серебрякова // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий : сб. науч. статей. — Омск, 1979. — С. 174—177.
9. Басилов, В. Н. Демон Албасты: как сложился образ / В. Н. Басилов // Сибирские татары : материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Томск, 1998. — С. 126—127.
10. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (далее МАЭ ОмГУ). Ф. I. П. 6—1. Л. 2.
11. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 1—24. Л. 4.
12. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 72—8. Л. 66.
13. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 3—12. Л. 13.
14. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 1—30. Л. 42.
15. Архив Музея народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН. Ф. VII—2. Д. 2006-2, к. 103 (экспедиция проводилась под руководством М. А. Корусенко).
16. Мышегреб, А. М. Образ шайтана у барабинских татар по современным этнографическим материалам / А. М. Мышегреб // Археология и этнография Приобья : материалы исследования : сб. науч. тр. кафедры археологии и этнологии. — Томск, 2007. — Вып. 1 — С. 82.
17. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 80—1. Л. 21.
18. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 7—2. Л. 166.
19. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 160—1. Л. 64.

ДИЯНОВА Александра Михайловна, аспирантка кафедры музеологии, экскурсоведения и туризма. Адрес для переписки: e-mail: aleksa_2086@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.05.2011 г.
© А. М. Диянова

Книжная полка

Власов, В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства : словарь. В 10 т. Т. 7 / В. Г. Власов. — М. : Азбука-классика, 2007. — 912 с. — ISBN 978-5-352-02050-0.

Впервые в одной энциклопедии — сведения обо всех видах искусства, а также статьи о всемирной истории, мифологии и христианской иконографии. В работе В. Г. Власова предмет искусства понимается намного шире, чем это принято в академической традиции. Автор стремится объединить термины философии, эстетики, истории искусства разных видов и жанров, рассмотреть обстоятельства создания отдельных памятников архитектуры, произведений живописи, графики, скульптуры, декоративного и прикладного искусства через слово — через этимологию, имена мифологических персонажей, исторических лиц и литературных героев, наименования тем и сюжетов. Эта работа предлагает по-новому осмыслить очевидные вещи и привычные предметы споров вокруг искусства.

Вачьянц, А. М. Западноевропейское Средневековье : учебно-практическое пособие для школ / А. М. Вачьянц. — 7-е изд., испр. — М. : Айрис-пресс, 2011. — 136 с. — ISBN 978-5-8112-4316-7.

Учебное пособие посвящено культуре Западноевропейского Средневековья и содержит хрестоматийные тексты, вопросы, задания и творческие работы. Рекомендуется для учащихся 7—11 классов общеобразовательных школ, лицеев и гимназий, а также для студентов колледжей культурно-искусствоведческого профиля.

Карран, Б. Предания о лесном духе природы. Мифология кельтов / Б. Карран : пер. с англ. — М. : ИГ Вест, 2011. — 144 с. — ISBN 978-5-9573-1897-2.

Эта захватывающая книга посвящена древнему образу Зеленого Человека, который исстари почитался на Британских островах, — «тысячелетнем» очаге кельтской культуры. Боб Карран прослеживает трансформацию этого божества с древности до наших дней, изучает его значение в средневековом мире и развитие в современном. Автор также исследует психологический аспект образа и, используя различные источники, его влияние на мировые культуры. Основное внимание Карран уделяет историческому и фольклорному материалу: рассказывает о праздничных церемониях и других формах почитания Зеленого Человека в Европе. Кроме того, автор исследует аналогичные образы в неевропейских культурах. Он делает вывод о том, что в коллективном бессознательном человечества содержится мощный универсальный архетип животворящей природной силы. Книга будет интересна всем, кто изучает мировое культурно-историческое наследие, в частности традиции и магические обычаи кельтов.